

Глава 12

Капля крови на пионе

— Где Би Лин? — спросил Се Хунъи, поворачивая голову. Он одной рукой снял лук, перевернул его, и стрела уже была в его пальцах.

Воин в чёрных доспехах подскакал к нему.

— Градоначальник, в городе буйствуют снежные призраки в пятнадцати местах, и их число растёт. Люди разосланы для сдерживания, но Би Лина среди них нет.

— Он может вселяться, — холодно заметил Се Хунъи. — Тех, кто вошёл сегодня в город и согласился одолжить счастливый дар, можно оставить. Остальные... пусть молятся.

Красные нити взметнулись.

На улице и в тавернах замерло дыхание. Целитель в белом резко выпрямился, схватившись за оконную раму. Лишь вино в бокалах продолжало бешено плескаться, готовое вырваться из чаш.

Бум, бум, бум... бум-бум-бум!

Наконец.

Лазурный снежный ни издал протяжный рёв и взмыл в воздух, на мгновение заслонив луну. Се Хунъи, возвышаясь над всем, в свете снега и багрового прилива, слегка склонил капюшон. Его поза выражала крайнюю самоуверенность и холодное спокойствие. Лишь тень от его ресниц едва заметно дрогнула.

Он сощурил левый глаз.

Силуэт Невесты Ванцзин, словно за алой шёлковой завесой, проступал в разбитом паланкине.

Они смотрели друг на друга издалека.

Наконечник стрелы, казалось, нёс в себе неотвратимую, сокрушительную силу судьбы. Даже мириады красных нитей, почуяв страх, на миг замерли.

Остатки свадебных распорядителей, почуяв запах жениха, выскользнули из-под паланкина и затянули:

— Одна стрела усмирит Прилив злой кармы!

— Оборвёт все мирские обиды и распри, даруя благословенный небесами союз!

Свадебная стрела сорвалась с тетивы.

Там, где она пролетала, всё обращалось в ничто. Красные нити обид и страстей тут же рассыпались в прах. Облако алого пепла длиной в пол-ли ворвалось в таверну, и даже в нём чувствовался зловещий, странный аромат.

Но именно в этот решающий момент...

...перед паланкином мелькнула тень, и длинный клинок нанёс косой удар!

Со звоном свадебная стрела отклонилась и вонзилась в дверь паланкина. В тот же миг воины в чёрных доспехах обернулись, их взгляды источали смертельную угрозу. В таверне гости, только что обретшие дыхание, снова вскрикнули от ужаса.

Кто осмелился сбить свадебную стрелу Се Хунъи?

— Он... он, он, он! — выпалил Дай Мао.

Все увидели, как Дань Фэн поднял фонарь, откинул занавеску паланкина и протянул его внутрь.

Даже по самым скромным меркам, подглядывать за невестой с фонарём в руках было верхом наглости, не говоря уже о том, что это происходило на глазах у жениха.

Тень сидела прямо. При его движении она склонила голову набок.

— Говори короче, — сказал Дань Фэн. Он, казалось, усмехался, но его взгляд метнулся в сторону Се Хунъи, и брови грозно сошлись.

— Во-первых, ты рождена из света. Абсолютная тьма лишит тебя силы. Твой хороший любовничек развесил по всему городу фонари, чтобы ты могла свободно перемещаться, не так ли?

— Во-вторых, практиковать запретные техники — значит идти против небес. Ты сошла с ума, тень.

— Поэтому этот Се и может...

Его прервал знакомый голос, в котором нельзя было различить, мужской он или женский.

— Се... Хуньи...

Зрачки Дань Фэна сузились, и все эмоции на его лице застыли, оставив лишь ледяную маску.

Се Хуньи!

«У каждой обиды есть виновник, у каждого долга — должник. Ты даже своих кармических долгов не помнишь, а помнишь только имя этого ублюдка?»

— Если... ты понимаешь только язык любовных бредней, то, — безэмоционально произнёс он, — я пришёл украсть невесту.

За эти несколько слов воины в чёрных доспехах успели окружить его.

Дань Фэн развёл руки в стороны, убрал Клинок Фэнъе в даньтянь и скрестил руки на груди.

Цок, цок, цок.

Стук копыт приближался.

Лазурный снежный ни лёг на землю.

Се Хуньи, подперев подбородок рукой, всё ещё держал в пальцах алую лакированную стрелу. Словно в какой-то злой насмешке, не натягивая тетивы, он, прямо на глазах у Дань Фэна, концом стрелы приподнял занавеску паланкина.

— Иди сюда, — спокойно сказал Се Хуньи. — Слушайся.

Тень вздрогнула и, оцепенев, подняла на него лицо. Се Хуньи не выказал ни капли сочувствия. Он зажал стрелу двумя пальцами и ткнул её в сердце тени.

— Бодхисаттва Внимающий Небесной Радости свидетель, сегодня я совершаю ритуал пронзения паланкина стрелой. Невеста опутана сотнями мыслей, и лишь одна стрела, пронзив их, сделает её достойной супругой.

— Нет, больно! Скажи мне, кто я? Кто я? — закричала тень.

Се Хуньи на мгновение прикрыл глаза, и его ресницы отбросили тень, в которой нельзя было

прочсть его мысли. Но эту тень тут же пронзила кровавая полоса под глазом.

Струйка крови стекла к губам, алая, беспорядочная, словно рана на пионе. Его лицо было особенно бледным, почти покрытым лёгкой дымкой, не позволяющей разглядеть его черты.

— Ты — никто, — сказал Се Хунъи. — Изначально бесформенная, вчерашний день... не удержать!

Он с силой нажал двумя пальцами, и из раны хлынули клубы чёрного дыма.

— А-а-а-а!

Даже слепой бы понял, что эта стрела повредила саму её сущность и вот-вот пронзит насквозь.

Именно в этот момент до Дань Фэна дошло. Стрела в дверь паланкина была одновременно и ритуалом, и наказанием.

Мирские свадебные обычаи всегда несли в себе оттенок жестокого подавления. Божество, занимающее пустующий престол, пыталось таким образом возродиться, а Се Хунъи, в свою очередь, использовал эту свадьбу, чтобы управлять тенью. После стольких наказаний неудивительно, что тень стала такой.

Вжик.

Зеркальный клинок покинул ножны. Холодный свет мелькнул, проскользнув между воинами, и резко взметнулся вверх.

Свадебная стрела была перерублена. Тень содрогнулась, и обломок стрелы выпал из раны.

В тот же миг в глазах Се Хунъи вспыхнула ярость, подобная грому. Воины в чёрных доспехах отступили на несколько шагов, приставив клинки к шее Дань Фэна.

Дань Фэн прищурился и увидел, как под синими рукавами Се Хунъи что-то шевельнулось.

Бум!

Сильный порыв ветра ударил в лицо, превратившись в звонкую пощёчину.

Удар был нанесён со всей силы, с яростью грома, способной сокрушить горы. Голову Дань Фэна отбросило в сторону, и его череп едва не раскололся. Когда чёрные пятна перед глазами рассеялись, он сжал зубы, преодолевая адскую боль в челюсти, и, словно по сантиметру,

повернул голову назад. В его глазах вспыхнул золотой свет, и половина его лица покрылась, казалось, алой золотой чешуёй.

Ему доводилось переносить удары мечей и клинков, но это был первый раз в жизни, когда кто-то осмелился дать ему пощёчину!

Се Хунъи проигнорировал его убийственный взгляд и холодно произнёс:

— Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому. Запомните его лицо, вышвырните из города. Осмелится вернуться — изрубить на куски.

Щека Дань Фэна дёрнулась, и он вдруг громко рассмеялся.

— погоди! Се Хунъи, ты знаешь, кто эта Невеста Ванцзин?

— Мне не нужно знать. А что до тебя, ты хочешь обсудить со мной прошлое моей жены?

— Ты осмелился связаться даже с Тенью в снегу! Твой Город Блуждающих Теней сегодня в красном, а завтра будет в белом!

— Тень в снегу? — переспросил Се Хунъи. — Это ты дал ей имя?

Всего один вопрос, но в нём было больше насмешки, чем во всём, что было сказано ранее.

— Как и ты, Невеста Ванцзин ведь тоже не её настоящее имя?

Се Хунъи холодно усмехнулся:

— О? Ты с ней хорошо знаком?

— Даже если она обратится в пепел, я её узнаю, — отчеканил Дань Фэн.

Наступила странная тишина.

Се Хунъи всё так же сидел на Лазурном снежном ни, глядя сверху вниз. Внезапно он обеими руками схватился за капюшон, откинул его назад и, наклонившись к Дань Фэну, посмотрел на него с ледяной усмешкой в глазах.

Его лицо на мгновение мелькнуло в лунном свете, размытое, нечёткое. Дань Фэн не мог разглядеть его в деталях, но почувствовал изящную, зловещую красоту, лишённую всякой

жизни, словно зловещий призрачный пион в храме.

Свежая рана под глазом, в самый напряжённый момент, лопнула.

Капля крови на пионе, и в мгновение ока он обрёл свой цвет.

В голове Дань Фэна что-то взорвалось, яростно ударив по его морю сознания, но он услышал, как тот с усмешкой сказал:

— Нет, не помнишь.

Два пальца коснулись серебряного браслета на рукаве, и лёгкое движение вырвало Дань Фэна из этого знакомого чувства, бросив его на дно пропасти. Его глаза налились кровью.

Он закрыл и снова открыл глаза, схватившись за свисающий плащ Се Хунъи, и с силой провёл им по своему лицу.

Плащ был окутан ветряными лезвиями. Коснись его обычный человек, и вся его правая рука обратилась бы в пепел.

На тыльной стороне ладони Дань Фэна тоже появились неглубокие порезы, но он и не думал отпускать. Он делал это намеренно, грубо, проведя плащом от виска до губ. Из-за ветряных лезвий кровь впиталась ещё глубже.

Липкая, горячая кровь.

Именно в этот момент Се Хунъи, словно увидев нечто отвратительное, дёрнул рукой и обломком стрелы, как кнутом, ударил его по лицу!

— Ищешь смерти.

Дань Фэн не собирался принимать этот удар. Он тут же нырнул под брюхо Лазурного снежного ни и, с силой оттолкнувшись правой ногой, своей нечеловеческой силой отбросил этого зверя, подобного горе.

— Пошёл!

Воины в чёрных доспехах бросились вперед.

— Градоначальник!

Хотя Се Хунъи всё ещё был на спине зверя, этот удар не смог его сдвинуть. Ветер окутал его, и Лазурный снежный ни легко приземлился на ноги.

Зверь, пришедший в ярость, бросился на Дань Фэна. Он издал протяжный рёв, и его густая, как снежная волна, шерсть обрушилась на него, что было равносильно пощёчине. Лишь это смогло сбить Дань Фэна с ног. Он опёрся на руки и уже собирался снова вскочить.

— Сейчас же. Вышвырнуть из города, — приказал Се Хунъи.

Пятеро воинов одновременно набросились на него, взмахнув крюками. Они подцепили его, подбросили в воздух и привязали к лошади, рядом с грудой костей.

— Всего лишь вышвырнуть? Градоначальник Се, если хочешь меня убить, лучше сделай это сейчас. Я злопамятен. Вижу храм — рушу храм, вижу город — рушу город!

Се Хунъи бросил на него мимолётный взгляд, и верёвки тут же перекрутились, заставив его упасть лицом в снег.

Духовная лошадь потащила Дань Фэна по главной улице.

Через несколько десятков шагов Дань Фэн, извиваясь, как живая рыба, освободился от верёвок, приземлился на ноги и, потеряв больное лицо, обернулся.

После его вмешательства ритуал Се Хунъи так и не был завершён. Сейчас он стоял под луной, окутанный серебряным светом, в ореоле холодной, кристальной ярости, и доставал третью стрелу.

Он взвесил в руке зеркальный клинок и прищурился.

Именно в этот момент из таверны рядом донёлся слабый зов.

— Господин Дань... Господин Дань, спасите!

Он поднял голову и увидел Юнь Мина, который, бледный, наполовину высунулся из окна.

— Что с тобой?

— Спасите! Так тяжело... так тяжело... я... я не знаю, что я только что... хотел сказать?

Дань Фэн на мгновение замер и резко поднял голову.

— У тебя снежная чума?

— Нет...

Зеркальный клинок мелькнул, и одежда Юнь Мина разорвалась, обнажив грудь. Она была гладкой, без единого синеватого пятна.

Но взгляд Юнь Мина был полон ужаса. Он наконец-то вспомнил самое страшное!

— Нет, не чума! Так тяжело, оно вращается за моими рёбрами, одна за другой, всё быстрее... Старший Дань, вы слышите?

Дань Фэн молчал, но его молчаливый взгляд привёл Юнь Мина в ещё большее отчаяние.

Щёлк, щёлк, щёлк-щёлк...

В его теле раздавался звук вращающихся чёток.

Лазурный свет хлынул из Юнь Мина, и все заклинатели, на которых он попал, покрылись трещинами, задрожали и взорвались кровавым льдом.

Источник снежной чумы был в нём. Его погибшие товарищи... невинные гости...

Тело Юнь Мина изнутри превращалось в лёд и снег. Его грудь слабо вздымалась, и он, с трудом схватив шило, пытался вонзить его себе в спину. Он не издал ни звука, но Дань Фэн услышал в этом безмолвии яростную решимость.

«Эта тварь здесь».

«Убей её!»

Юнь Мин был ещё жив. Если изгнать эту тварь из его тела, может, у него ещё есть шанс?

Взрывы, распространяющиеся вокруг, не оставляли времени на раздумья.

Именно в этот момент его накрыл мощный порыв ветра.

Дань Фэн вздрогнул и резко поднял голову. Бесконечный снег был отброшен этой невидимой силой, и осталась лишь фигура в серебряном плаще и синей одежде.

Се Хунъи с яростью натянул лук. Его плащ был подобен серебряной горе, а широкие рукава взметнулись до локтей, обнажив два ослепительно сияющих серебряных браслета.

На первый взгляд, это были женские украшения, но на его ледяных руках они источали зловещую ауру, подобную шипению змей.

Никто не сомневался в силе этих рук, даже если это был пустой лук. После того как свадебная стрела была снята, тетиву окутал ещё более острый, пронзительный ветер, который, собравшись со всех сторон, превратился под его пальцами в невидимую стрелу.

Полный натяг, спуск!

В тот миг, как их взгляды встретились, сердце Дань Фэна пронзил небывалый холод, но было уже поздно.

Ветряная стрела пронеслась мимо него, оставив на его лице несколько мелких царапин.

В следующую секунду тело Юнь Мина на его глазах взорвалось кровавым льдом. Лазурная тень размером с ладонь разлетелась на куски и раскатилась по земле.

Кровавый лёд, в который превратился Юнь Мин, наконец растворился в снежной мгле.

Молодой заклинатель из лавки счастливых даров так и не смог достичь великих высот. От него не осталось даже пепла, что хуже, чем кости в могиле простого смертного.

Лазурный снежный ни снова подошёл к нему. Се Хунъи сделал жест пальцем, и несколько лазурных осколков, поднявшись в воздух, сложились в маленькую статуэтку Гуаньинь. Она была в снежной мантии, работа была тончайшей, не хватало лишь половины головы.

— Би Лин. Слишком медленно, опять сбежал, — сказал Се Хунъи и, опустив взгляд на Дань Фэна, посмотрел на него, словно бодхисаттва, но в его глазах не было ни капли сострадания, лишь ледяная насмешка.

Один лишь взгляд.

Кровавый лёд на лице и голове Дань Фэна тут же вспыхнул. Он даже не понял, откуда взялась эта ярость, смешанная с сотней других чувств, бессилие, и какая-то безымянная скорбь, которая выла в снежной буре.

— Это ты, по своей глупости, убил его, — сказал Се Хунъи. — Великий благодетель.

— Потому что он не одолжил счастливый талисман?

— А как иначе? — равнодушно ответил Се Хунъи. — В этом городе мне нужны лишь те, кто мне подчиняется.

Когда они снова поравнялись, Дань Фэн снова протянул руку и схватил его за плащ.

— Се Хунъи, давай заключим пари. Спорим, что и сегодня ночью ты не получишь желаемого.

***

<http://bllate.org/book/16978/1583021>